

Хасан Наурбиев

От степи до гор

Хасан Наурбиев
От степи до гор

«Автор»

2026

Наурбиев Х.

От степи до гор / Х. Наурбиев — «Автор», 2026

Кто бы мог подумать, что совершенно случайное происшествие может крепко-накрепко связать три судьбы с диаметрально противоположным прошлым? Они встретились на юрфаке МГУ, пережили многое и, в конце концов, пронесли свою дружбу через все тяготы. И где бы они ни были, за ними всегда невидимо следовали родные горы, бескрайняя степь и манящая Москва.

© Наурбиев Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

От степи до гор

Глава I.

Лучи солнца своей яркостью и настырностью достигли того состояния, когда Семёну спать было уже невмочь. Он взял из-под головы подушку и накрыл ею голову в надежде спастись от слишком яркого солнечного света. Это облегчило его состояние, но на очень короткое время, так как сон уже не шёл, да и просыпающаяся земля летнего утра, с весёлым чириканьем воробьёв и грустным мычанием коров, ко сну не располагала. Скинув с себя подушку и сев на кровать, Семён растянул руки и сильно потянулся. Какой-то непонятной болью ныла спина, а посмотрев на руки, он увидел ссадины. Вспомнил вчерашний день — и от этих неприятных воспоминаний лицо его резко поморщилось. «Интересно, — подумал он и вслух высказался, — что день грядущий нам несёт?» Он любил запоминать и произносить изречения известных людей. Вообще Семён был довольно любознательным и начитанным мальчиком, хотя не всегда получалось читать, и особенно не всегда попадала в руки хорошая книга.

Семён был третьим ребёнком в семье. Старше него были сестра и брат. Сестра давно была замужем и даже имела двух детей; она часто приезжала к родителям, и её избалованные дети порядком надоедали Семёну во время её визитов. Брат уехал в Москву поступать, а после поступления в училище связался с плохой компанией и вот уже второй год сидел в тюрьме.

Жизнь Семёна была не особо интересна, ибо он всё время был в домашних хлопотах. Со сверстниками он не сильно дружил и редко встречался. В школе и на улице он слыл странным мальчиком, был очень застенчив и замкнут, боялся больших компаний и новых знакомств. Больше бывал дома. Он очень любил животных, и чуть ли не каждая курица имела у него своё имя — так и развлекался. Но мечты он имел большие: думал, вот станет большим и обязательно сильным.

Вчера Семён в первый раз в жизни подрался. Может, он и не стал бы драться, а обошёл бы конфликт стороной, но возможности уклониться не было. Семён ходил встречать коров на выезде из села: пастух доводил стадо до этого места, и дальше хозяева встречали свою скотину. Хотя скот чаще сам приходил домой и знал, что дома будет ждать порция рубленой кукурузы, мать требовала, чтобы коров встречал именно он. И вот когда он пошёл их встречать, там собрались такие же люди, чуть поодаль стояли женщины, и среди них была девочка, которая Семёну нравилась уже два года. Наверное, все уже это подозревали, особенно сама девочка, но природная застенчивость не позволяла ему идти на более активные действия. Девочку звали Таней.

В тот день в это же место пришла группа ребят, и среди них был мальчик из армянской семьи, звали его Юрик. Он всё время пытался унижить Семёна, и Семён всегда уступал ему по своей доброте и неумению драться, не было в нём подготовленности к жизни. Но сейчас, увидев его, Семён решил стоять до конца и ни в чём не уступить, тем более в присутствии Тани и других женщин. Возможно, в глубине души он не был трусом и был способен на подвиг или великое действие; но, чтобы раскрыться и сделать что-то важное, ему, как он думал, нужна была публика и аплодисменты. А растрачиваться по таким простым делам, как сейчас, особо не хотелось. Он иногда думал: «Повзрослею и обязательно совершу подвиг, ну, в масштабах всей страны».

Семён чувствовал, что Юрик полезет к нему. Часть ребят прошла мимо, а тот шёл посередине компании и, как ожидалось, чтобы перед ребятами покривляться, подошёл к Семёну, наградив подзатыльником со словами: «И этот слабак тут». Семён на это как-то неуклюже дёрнулся, не доводя начатое движение до конца, и встал в неестественную для себя боксёрскую

стойку. Ребята вокруг начали смеяться и визжать, и всё это было очень неприятно. А Юрик ещё раз подошёл и со словами «Ты чего, дуралей, дёргаешься?» ударил его ногой по задней части бедра. У Семёна потемнело в глазах. Он совершенно ничего не видел, кроме Юрика, и со стремительностью барса напал на него. Ребята вокруг хлопали и кричали. Юрик от неожиданности опешил, так как никак не ожидал от этого слабого и смиренного парня такой прыти. Семён по своей неопытности бил наотмашь, цеплялся за волосы и даже были попытки укусить. Юрик всё время отступал, он ещё не мог собраться и что-то предпринять против такого странного нападения; часть ударов, конечно, попадала в него. Наконец он сам пошёл в атаку и ошутимо ударил Семёна по лицу, но Семён этого не замечал, степень его кипения зашкаливала. Слезы у него рекой лились из глаз, это были слёзы обиды, потому что вокруг чувствовалось, что все болеют за Юрика. Ребята, как залихватские знатоки боёв, кричали, как бить и куда бить, и свистели. Глаза Семёна были закрыты, и вдруг он ощутил, что земля уходит из-под ног и он падает: это Юрик удачной подсечкой сбил его с ног. Через секунду Юрик сидел на Семёне и бил его больше ладонью, чем кулаками. Семён отбивался, но это было унижительно. Вот именно этого он и боялся всю жизнь, когда уходил от драк в школе, — именно этого унижения. Он не боялся физической боли, не боялся, что его поранят; он боялся, что проиграет. Хотя Юрик не отличался большой физической силой и не слыл драчуном, тут он осознавал, что может легко выиграть, и это его всегда подталкивало унижать Семёна, и именно этим он набирал себе очки перед ребятами.

Через минуту такого постыдного состояния подошли женщины, что стояли рядом с Таней, и начали грозить ребятам и разнимать дерущихся, точнее, снимать Юрика с Семёна. Их наконец разняли. Какой позор чувствовал Семён! Ему казалось, что мир перевернулся. Таня тоже долгим взглядом смотрела на него, и ему казалось, что она говорит ему глазами: «Эх ты, хоть раз бы ударил как следует». На глазах Семёна слёзы появлялись сами собой, он не мог совладать с собой от дрожи, всё тело его дрожало. Ему было очень стыдно. Плача, он побежал в сторону своего дома, подальше от этого позора и стыда, ему хотелось умереть. Он думал: как дальше жить? Вот она, граница его жизни. Позже, конечно, когда он станет взрослым, он будет с улыбкой вспоминать эти слёзы и думать: «В тот день я приобрёл лицо, а не потерял его».

Так, добежав до дома, не встретив больше никого на пути, он заскочил во двор. Во дворе была мать, но он так быстро проскочил мимо, что она не заметила. Лёг на кровать и не вставал до утра, хотя помнил, как во сне подходила мать, дёргала его, спрашивала, почему он не привёл коров домой, да и, собственно, наверное, спрашивала, почему лежит и не ужинает. Семён, наверно, что-то отвечал, и ему тогда всё это было неважно.

Сейчас, сидя на кровати, он обдумывал всё это, и ему было чуть легче, чем вчера. Яркость красок угасла, но огромная гора стыда сохранялась. Думал, как дальше жить. Может, убежать из села. В голову приходили всякие мысли, и самая главная из них была — уйти куда-нибудь на несколько лет, а потом вернуться уже другим человеком, повзрослевшим и сильным, чтобы сказать: «На самом деле я такой, просто я вам снисхождение делал». Пока он так сидел, задумавшись, все его мысли рассеялись от голоса матери. Она зашла незаметно и спросила: «Семён, что с тобой?» Сейчас для Семёна это был тяжёлый вопрос, он сам не находил на него ответа, пока был в поисках, и он просто вопросом на вопрос спросил маму: «А что?»

Но даже в этом растерянном состоянии он вдруг поймал себя на странной мысли. Он ведь не испугался Юрика, когда тот подошёл. Он испугался не удара, а того, что будет потом, того, что всё это случится на глазах у Тани, у соседей, у всей улицы. Он подумал, что, наверное, люди делятся на две породы. Одни, когда видят зло, сразу бросаются на него, чтобы тут же, на месте, восстановить справедливость, как будто нельзя ждать ни минуты. Другие и он, Семён, кажется, из таких, видят в каждом маленьком зле отголосок какого-то огромного, бесконечного мирового зла, с которым невозможно справиться кулаками. Отрубишь одну ветку — вырастут три. И руки опускаются сами собой. Но сейчас, после того, что случилось, он впервые подумал:

может, он просто придумал себе это оправдание, чтобы не драться? Может, никакой мудрости в этом нет, а есть обыкновенный страх, который он принял за философию?

От этой мысли стало ещё горше. Он закрыл глаза и снова увидел лицо Тани. «Эх ты», — говорили её глаза. И он не мог с этим спорить.

Мать была очень строгим человеком, пыталась воспитывать детей строго и требовательно. Но так как двое её старших детей вышли из-под её системы воспитания, весь удар и напор ложился индивидуально на Семёна. Правда, раньше она иногда и руки прикладывала в своём воспитательном процессе, но последний год уже этим не занималась. Раньше, помнит Семён, она иногда заглядывала в тетрадку, заводила в комнату и била — била крепко руками, но подсобные предметы не использовала, видимо, боясь в порыве гнева попасть в нежное детское тельце чем-то тяжёлым. А руками — можно. Это в её системе воспитания было заведено не ею, а самой традицией человечества.

Но сегодня она была как-то добра: видимо, уже знала про вчерашнее. Женщины получают информацию гораздо быстрее, по своим каналам; успели с утра, наверное, когда выгоняли коров на сбор. Проработав информацию, она, видимо, пожалела своё дитя и решила не давить, а посмотреть, что из этого получится. Тем более отцу это не обязательно знать.

По своим человеческим качествам мать Семёна была женщиной доброй и благонравной. Светлана, звали её так, вышла за отца Семёна рано. Отец, Павел, был на девять лет её старше. Жила она в небогатой многодетной семье крестьянина, было много братьев и сестёр, всё время всего недоставало. И вот когда она встретила Павла, душа её раскрылась во всю свою ширь. Павел был такой обычный парень, каких много, но в нём чувствовалась уверенность и спокойствие. Увиделись они на площадке только создаваемого сельского клуба, вся сельская молодёжь участвовала в этом строительстве, а Павел был старшим среди ребят, да и руки у него росли как надо. Он как-то выделил среди девушек Светлану, и она была польщена его вниманием, такой видный и передовой среди других парней. Особыми талантами он не выделялся, да и сама она тоже была обычной сельской девушкой. Так они в дружбе и сошлись, а через год Павел сделал предложение, и родители одобрили его.

Жили они небогато, но и не бедствовали. Павел был мужик работающий, мог и в соседнее село, и в город поехать на заработки, а Светлана, как и все деревенские женщины, содержала скот и домашнюю птицу. В общем, совместными усилиями они пытались вывести своих детей в люди, чтобы те были и грамотны, и работающи. Старшая сестра Семёна, как и брат, к учёбе прилежания не имели. Валентина вышла замуж рано и родила троих детей, а Николай, старший брат Семёна, еле окончил школу и с помощью двоюродного брата Павла был устроен в сельхозучилище. Но там он встретил плохую компанию и вот уже второй год сидел в тюрьме.

У родителей, кроме этого двоюродного брата, денег и связей не было, а тот отказался помогать, ссылаясь на то, что Николай невоспитуем и плох, а тюрьма его исправит. Конечно, это было жестоко и очень неприятно слышать, но так как этот двоюродный брат был уважаемый человек и имел много денег, родители Семёна решили потерпеть в надежде, что всё со временем исправится.

Вот таким образом все домашние дела легли на плечи Семёна. Его учёбой родители теперь интересовались поменьше, да и Семён больше читал, чем учился. Интересовала его больше историческая литература и классическая русская, он готов был целыми днями проглатывать книги, но домашние заботы всё время дёргали. Сейчас было лето, школьные каникулы были в самом разгаре. Осенью Семёну предстояло сесть за школьную парту на предпоследний год учёбы, а дальше — мечта, институт. Семён не сомневался, что поступит в самый лучший университет страны. Была у него такая уверенность, а у окружающих такой уверенности не было, особенно у школьных учителей и родителей. Это был личный вызов Семёна всему обществу, его уверенность — против неуверенности окружающих. Всё это происходило не вслух, а

в умах противоборствующих. Вот в таком состоянии Семён встречал порог своего совершенноголетия.

Выйдя во двор, Семён с зубной щёткой подошёл к рукомойнику, чтобы привести себя в порядок. В летнее время в порядок приводили себя во дворе. Увидев Семёна, из своей будки обрадованно выскочила собачка Жука. Это была маленькая дворняжка, когда-то случайно попавшая во двор и с молчаливого согласия всех членов семьи оставшаяся здесь, а позже обросшая будкой и именем. Имя, конечно, было необычное, недотягивало до «Жучки» на одну букву, но во всём остальном, и в храбрости, она была лучше любой Жучки. Она очень любила Семёна, ведь он был единственным человеком в доме, кто поощрял её весёлые игры и ласки. Сейчас Семён погладил собаку и пошёл за её завтраком. На кухне была мать, она как раз убирала остатки завтрака. Отца дома не было, он часто отсутствовал ввиду сложности своей работы. Мать говорила: «Вот если бы платили ему столько, сколько он работает, то мы, наверное, были бы самыми богатыми в селе».

Позавтракав чем Бог послал, Семён пошёл прогуляться по двору, поглядеть на телёнка, который появился на свет месяц назад. Ему нравилось любоваться им, разговаривать с ним. Телёнок, увидев его, начинал весело поддёргиваться. Вообще Семёна все животные любили; когда он отходил к ним на задний двор, всё это животное семейство оживлялось, даже кот из дому прибежал к нему. Он каждому мог уделить внимание. Но сегодня мысли Семёна работали в другом направлении. Он знал, что время уходит и что одними надеждами жить мало и надо начинать действовать, чтобы стать великим человеком, необходимо начать работать над собой. Ведь в следующем году ему уже поступать — этот год должен стать для него годом перемен. При этих мыслях даже становилось немного страшно.

«Надо записаться куда-то на спортивную секцию», — решил Семён. Вон сосед ведь ходит на вольную борьбу — пойти сначала поговорить с ним, а там посмотрим. Соседский мальчик Роман действительно ходил на борьбу и иногда даже показывал приёмы Семёну, но тогда Семён избегал его. Сейчас решил пойти поговорить. Постучав в калитку, Семён зашёл к нему. Рома как раз был дома, помогал отцу с починкой забора. Окликнув их, Семён поздоровался, зашёл во двор и стал помогать, точнее сказать, просто держать доску в заборе. Отец Ромы спросил у него, как проходят каникулы, и похвастался, что обещал купить Роме пневматическую винтовку, если тот будет с таким же рвением и дальше ходить на борьбу. Тогда Семён обратился к Роме:

— Рома, а меня можно записать на борьбу? Меня бы взяли?

Рома сделал важное лицо и сказал:

— Постараемся. Завтра вместе пойдём. Возьми сумку со спортивными вещами, и поедем отсюда на автобусе в город.

Отец Ромы одобрительно кивнул. Семён был рад, ему хотелось быстро побежать домой и сказать матери, чтобы купила кеды и спортивную форму. С нетерпением попрощавшись, он побежал домой с решительными новостями к матери. Как раз и мать, и отец вместе оказались дома — что бывало очень редко. Отец, как всегда в таких случаях, рассказывал свои неоднократно пересказанные истории из рабочей жизни. Семён на одном дыхании заскочил на кухню и с нетерпением вывалил из себя: «Я на борьбу хочу идти!» — и, засмутившись своей топорности, сел на стул. Отец спокойно отхлебнул чаю и сказал: «Похвально. Я давно хотел тебе это предложить», — и расписал пользу спорта как для здоровья, так и в целом для жизни. «Умение постоять за себя — это самая важная черта мужчины», — заключил он.

Мать тоже пристально глядела, но у неё в голове, скорее всего, была практическая сторона всего этого — затраты на форму, каждодневные поездки на автобусе в город. Но всё равно она заключила: «Это всё нужно и даже необходимо, это входит в процесс воспитания ребёнка».

Заручившись поддержкой родителей, Семён с матерью решили пойти в сельский магазин. Это было недалеко от дома. Семён с нетерпением шагал впереди матери, а мать иногда останавливалась перекинуться парой слов с соседками, и так они дошли до магазина. Семён видел раньше в магазине спортивную форму, которая ему понравилась, но тогда не примерял её за ненадобностью; сейчас он думал лишь бы подошла.

Зайдя в магазин, Семён сразу подошёл к вешалке, где лежала спортивная форма, и начал смотреть и трогать руками. Продавщица, взрослая женщина, окликнула его: «А что, здороваться не надо? Чему вас учат?» — заключила она. Тут подросла мать, поздоровалась с продавщицей, и та, поняв серьёзность покупательских намерений, подошла к Семёну и спросила: «Нравится?»

Семён ответил: «Да, очень. Можно примерить?»

Продавщица с довольной улыбкой ответила: «Конечно», — сняла форму с вешалки и показала Семёну, куда пройти примериться, а сама повернулась к матери и начала обсуждать достоинства и цену. Форма очень кстати подошла Семёну по размеру, и он был просто счастлив. Родители его редко баловали обновками, так как семейный бюджет был очень ограничен, и эта статья расходов редко заносилась в бюджет.

В этот день Семён не только получил спортивную форму, но ему также купили и кеды, и сумку, и футболку. Он был полностью экипирован для большого спорта. Счастливый и довольный, в эту ночь он лёг спать, чувствуя, что переходит в другую жизнь или хотя бы вышел на тропу той жизни, о которой мечтал, когда станет взрослым.

Как говорил ранее Рома, во время летних каникул занятия по борьбе переносились на утро, и надо было ехать в город спозаранку. Они договорились встретиться у Ромы утром. Семён с нетерпением вскочил с кровати, быстро привёл себя в порядок, позавтракал, попросил у матери денег на автобус и побежал к Роме. Он был очень благодарен Роме за то, что тот взялся походатайствовать за него перед тренером. Минут десять Семён простоял у ворот; Рома с небольшим опозданием вышел, очень спокойно поздоровался, и они направились к автобусной остановке. Семён сильно нервничал и с досадой поглядывал на приятеля: мол, ты-то что такой спокойный? Наконец они сели в автобус и поехали в город. Ехать было минут сорок, и пока они покупали билеты да глазели по сторонам, автобус уже въехал в пригород. Семён очень редко бывал в городе, а самостоятельно, наверное, и никогда — дел у него здесь не было. Но сейчас он знал, что теперь будет бывать часто, может, и в библиотеку запишется, будет книги получать.

В таком одухотворённом и приподнятом состоянии Семён издали увидел большое белое здание Дома культуры, в котором и находился зал вольной борьбы. Перед Домом культуры раскинулась большая благоустроенная территория с деревьями и скамейками; там толпились мальчики, ожидавшие тренера, они с Ромой пришли пораньше. Рома важно подошёл к ребятам и поздоровался, Семён более скромно приветствовал всех, стал наблюдать и слушать разговор. Оказывается, два дня назад ночью сгорела парилка — неизвестно, от розеток ли, от неисправности печи, и ребята бурно обсуждали эту тему. На Семёна как на новенького никто особо и не смотрел.

Вдруг из-за поворота появился тренер и быстрыми энергичными движениями направился ко входу в Дом культуры. Ребята тотчас побежали к нему, и Семён, чуть отставая, пошёл вместе со всеми. Каждый мальчик подходил и обнимался с тренером, будто этот святой ритуал был обязателен для всего борцовского процесса. Тренера звали Аслан — мужчина лет тридцати пяти, невысокий, но крепкий, переехавший в среднюю Россию из южной республики лет десять назад. Сам он был из Дагестана, но женился на русской девушке и, когда родились дети,

уже безвыездно жил тут, в городе, был очень уважаем и всеми узнаваем. За его короткую тренерскую жизнь через его руки прошло много разных детей, и некоторые из них были уже на хороших работах и во многих вопросах помогали своему бывшему тренеру. Вот и сейчас сгорела борцовская баня, а они закрыли многие бюрократические проволочки и даже оказывали спонсорскую помощь.

Тренер Аслан обнял каждого мальчика и пристально посмотрел на Семёна. Семён засмутился и, переступая с ноги на ногу, пытался сформулировать словами, что хочет записаться на борьбу, но язык плохо его слушался, отчего он смущался всё сильнее. Тут на помощь пришёл Рома и чётко изложил его мысль. Тренер Аслан с насмешкой посмотрел на Рому и сказал в шутку:

— Так, теперь вас с этого села будет два мешка.

Рома и остальные ребята тихонько хихикнули, и Семён понял, что вопрос о его принятии закрыт. Тренер уже серьёзно посмотрел на Семёна и сказал:

— Я не люблю, когда тренировки пропускают и опаздывают. Замечу — отправлю домой. К следующей тренировке принесёшь справку и документы.

Повернулся и зашёл в Дом культуры.

Зал располагался на втором этаже и занимал почти всё крыло, но сейчас выглядел плачевно: всё было в копоти и нагаре, видно, пожар был очень сильный. Все толпой они направились за тренером в сторону предбанника и бани. Там всё было в мусоре; старшие ребята, ученики тренера, уже давно всю лопатами собирали его. На лицах у них были респираторы, работали дружно и слаженно. Все поздоровались с тренером, и тот, подмигнув, сказал:

— Я вам часа на два десант помощников прислал, — и обратился к ребятам: — Не стойте, живо помогайте!

Ребята накинулись на лопаты и другой инструмент. Семён тоже пытался пристроить себя к этому рабочему процессу. Он никогда не отличался особой сноровкой в физическом труде, но сейчас схватился за какую-то обгорелую доску и потащил её в общую кучу мусора. Работа кипела, старшие командовали, куда что складывать, и новички, в число которых попал и Семён, беспрекословно подчинялись. От запаха гари першило в горле, сажа въедалась в руки и одежду, но странное дело — эта чёрная работа не вызывала в нём отторжения. Наоборот, он чувствовал себя частью чего-то общего, большого и важного. Никто не смотрел на него с насмешкой, никто не вспоминал вчерашний позор; здесь все были заняты одним делом, и это дело словно уравнивало всех: и опытных борцов, и его, новичка, впервые переступившего порог этого зала.

Тренер Аслан стоял поодаль, сложив руки на груди, и зорко наблюдал за работой. Иногда делал короткие замечания, иногда подбадривал кого-то шуткой, и Семён заметил, что мальчишки ловят каждое его слово с какой-то особой жадностью. Было видно, что тренер для них не просто наставник, а человек, которому хочется подражать, чьё одобрение дорогого стоит. И Семён, глядя на него исподтишка, подумал, что вот таким, спокойным, уверенным, сильным, он и сам хотел бы стать когда-нибудь. От этой мысли стало одновременно и радостно, и страшно: радостно, что перед ним теперь есть живой пример, страшно — от понимания, какой долгий путь предстоит пройти.

Через час с небольшим, основную часть мусора вынесли, и тренер объявил, что на сегодня хватит. Ребята, чумазые и уставшие, но довольные, потянулись к выходу. Семён тоже направился было к двери, но его остановил голос тренера:

— Потапов, задержись.

Сердце у Семёна ёкнуло. Он обернулся и увидел, что Аслан смотрит на него всё тем же цепким, оценивающим взглядом, каким оглядел при первой встрече. Рома, проходя мимо, ободряюще хлопнул его по плечу и вышел.

— Скажи-ка мне, Потапов, — заговорил тренер, подходя ближе, — ты зачем на борьбу пришёл? Только честно.

Вопрос застал Семёна врасплох. Он ожидал чего угодно: и замечаний, и наставлений, но не этого. Открыл рот, чтобы соврать что-нибудь про любовь к спорту, про желание укреплять здоровье, но под этим прямым, немигающим взглядом слова застряли в горле. И тогда он, сам не зная почему, сказал правду, которую не решился бы высказать даже матери:

— Я не хочу, чтобы меня больше били и унижали, — голос его дрогнул, но он продолжил, глядя в пол. — Хочу научиться стоять за себя. Хочу стать сильным.

Повисла пауза. Семён стоял, боясь поднять глаза, чувствуя, как краска стыда заливает лицо. Но когда он наконец решился взглянуть на тренера, то не увидел в его глазах ни насмешки, ни жалости. Аслан смотрел на него серьёзно и, как показалось Семёну, даже с каким-то пониманием.

— Это правильная причина, — медленно произнёс он. — Пожалуй, самая правильная из всех, что я слышал. Ты вчера упал, я знаю, мне доложили уже, — но сегодня ты пришёл сюда. Это уже кое-что. Теперь дело за малым — не пропадать. Понял?

— Понял, — выдохнул Семён, чувствуя, как горячая волна благодарности поднимается в груди.

— Вот и хорошо. Завтра жду по расписанию. Форма есть, значит, работаем всерьёз.

Семён вышел из Дома культуры на залитую солнцем площадь, где его дожидался Рома. Тот встретил его вопросительным взглядом, но Семён только молча кивнул, не в силах говорить. Внутреннее ликование распирало его изнутри, и хотелось то ли смеяться, то ли плакать от облегчения. Он не просто записался на борьбу, его приняли. И слова тренера о том, что падать не страшно, странным образом перекликались с его собственными мыслями о вчерашней драке. Может быть, подумал он, тот позор и не был концом света. Может быть, это было началом — корявым, горьким, унижительным, — но началом совсем другой жизни. Той самой, о которой он мечтал, сидя в своей комнате над книгами о великих людях.

Домой он возвращался в том же автобусе, глядя на убегающие за окном поля, и в голове его уже роились картины будущего: вот он выходит на ковёр, вот одерживает первую победу, вот Таня, случайно встретив его на улице, смотрит уже не с жалостью, а с интересом... Он одёрнул себя, усмехнувшись собственным фантазиям. До этого было ещё далеко. Но главное в том, что у него теперь была цель и дорога. А это уже гораздо больше, чем у него было ещё сутки назад.

Но настоящая работа только начиналась.

Первая тренировка стала для Семёна испытанием не столько физическим, сколько душевным. Он оказался самым неуклюжим, самым неловким из всех новичков, и этих новичков было немало. Тело не слушалось, мышцы болели так, что по утрам он еле вставал с кровати,

а на ковре он то и дело ловил на себе насмешливые взгляды более опытных ребят. Некоторые, впрочем, не смотрели вовсе, что было ещё обиднее. Его не замечали, он был пустым местом.

Но он не пропустил ни одного занятия. Даже когда после особенно неудачной схватки, в которой его трижды подряд положили на лопатки, хотелось всё бросить и больше никогда не приходить, он всё равно возвращался. Мать, видя, как он по утрам, морщась от боли, натягивает кеды, только качала головой и прикусывала губу. Отец ничего не говорил, но однажды вечером, когда Семён, уставший и подавленный, сидел на лавке у дома, Павел сел рядом и сказал негромко: «Ты это... не бросай. Спорт... он характер куёт. А характер, сынок, важнее всего. Важнее силы, важнее ума даже. Потому что ум без характера, что конь без узды». Семён запомнил эти слова на всю жизнь.

Тренер Аслан, кажется, заметил его упорство раньше других. Однажды после тренировки, когда зал уже опустел и только Семён всё ещё возился со штангой, пытаясь взять вес, который ему пока не давался, Аслан подошёл и встал рядом. Он долго смотрел, как парень, обливаясь потом, делает подход за подходом, а потом сказал коротко: «Не сдаёшься — это хорошо. Остальное придёт». И ушёл. А Семён, провожая его взглядом, вдруг почувствовал, что внутри что-то сдвинулось. Не сразу, но сдвиг произошёл.

Прошёл месяц. Потом второй. Незаметно подкралась осень, и вместе с ней начался новый учебный год. Теперь Семён вставал затемно: сперва была пробежка вдоль реки, пока воздух ещё холоден и прозрачен, потом была помощь матери по хозяйству, потом — школа, а вечерами, три раза в неделю, — тренировки в городе. Он привык к этому ритму, как к дыханию. Тело постепенно наливалось силой, что чувствовалась в каждом движении. Руки стали крепче, плечи раздались, походка изменилась, теперь он ходил не сутулясь, не глядя в землю, а прямо, расправив грудь.

Но главные перемены происходили не снаружи, а внутри.

Он начал больше читать, вдумчиво, с карандашом, выписывая целые абзацы в отдельную тетрадь. Учитель истории, старик с прокуренными усами, заметил это первым. Однажды он задержал Семёна после урока и протянул ему толстый, пахнущий сыростью учебник по истории государства и права, который позже станет его настольной книгой.

— Держи, Потапов, — сказал он, хитро прищурившись. — Вижу, горишь. Только без математики далеко не уедешь. А с математикой у тебя, сам знаешь, беда.

Семён знал. Но теперь у него был опыт борьбы, который говорил, что если что-то не получается сразу, это не повод сдаваться. Это повод работать больше. Он нанялся помогать соседу-пенсионеру колоть дрова, а на вырученные деньги попросил заочницу-учительницу из райцентра давать ему уроки математики. Та, глядя на упёртого деревенского парня, согласилась брать недорого. Теперь вечера его делились между формулами и борцовским залом: сперва были уравнения, логарифмы, интегралы, от которых голова шла кругом, потом — разминка, броски, захваты, от которых гудело всё тело. И странное дело: одно начинало помогать другому. Математика учила терпению и логике, борьба, в свою очередь, — интуиции и решимости.

Так прошёл первый год.

К концу его Семён уже не был тем мальчиком, что когда-то плакал от стыда на пыльной дороге. Он изменился — не резко, не вдруг, а постепенно, как меняется русло реки под напором воды. На тренировках он уже не стоял в углу, ожидая, пока кто-нибудь обратит на него внимание. Он сам выходил в круг, сам выбирал пару, сам отрабатывал приёмы до седьмого пота. Аслан, проходя мимо, иногда бросал короткое: «Растёшь, Потапов». Это было высшей похвалой.

Наступило первое лето, жаркое, пыльное, полное работы и надежд. Семён помогал родителям по хозяйству, но каждый день находил время для тренировок. Он уже не просто повто-

рял то, чему учили в зале, а начал придумывать свои связки, импровизировать, чувствовать ритм схватки. Рома, его сосед и первый наставник, с уважением замечал: «Ты уже не тот, что раньше. Ты сейчас меня положишь, если захочешь». Семён не хотел, не любил мериться силой с друзьями, но где-то глубоко внутри грело понимание, что да, положил бы.

Осенью того же года он впервые поехал на соревнования. На маленькие, районные, где в зале пахло пылью и старыми матами, а зрители сидели прямо на скамейках, вплотную к коврику. Семён проиграл первую же схватку и едва не расплакался от досады. Но Аслан, вместо того чтобы отругать, подозвал его и сказал: «Не переживай. Первый блин всегда комом. У тебя все впереди».

И Семён запомнил.

Второй год стал для него прорывом. Он наконец начал побеждать, сперва на районных соревнованиях, потом на городских. Его имя узнали как упорного, никогда не сдающегося бойца, который может уступить в силе и скорости, но никогда не уступает в характере. Аслан, всегда скупой на похвалы, однажды сказал при всей группе: «Вот смотрите на Потапова. Он не самый одарённый. Но он самый трудолюбивый. А это, поверьте, важнее». И Семён, услышав это, почувствовал, как внутри разливается горячая волна гордости.

Параллельно шла подготовка к поступлению. Математика наконец начала поддаваться не потому, что Семён вдруг стал гением, а благодаря его настырности, как и в борьбе. Учительница из райцентра говорила, что никогда не видела такого упорного ученика. История и литература по-прежнему были его главной страстью, и он уже знал больше, чем требовала школьная программа. Учитель истории однажды в шутку сказал: «Потапов, ты, по-моему, уже сейчас можешь лекции читать. Мне за тебя страшно, ведь ты на экзамене такого наговоришь, что комиссия не поймёт». Семён усмехнулся, но про себя подумал: пусть не поймут. Он им объяснит.

Так прошёл ещё год.

К моменту, когда наступил выпускной класс, Семён уже точно знал, что он поступит. Не «попробует», не «может быть», а точно. Эта уверенность не была самонадеянностью, ибо она была результатом двух лет изнурительного труда, тысяч бросков на ковре, тысяч решённых задач, сотен прочитанных книг. Он был готов. Готов ко всему.

И когда он наконец сел в поезд до Москвы, глядя на убегающие за окном поля, он вдруг поймал себя на мысли: тот мальчик, что когда-то плакал от стыда на пыльной дороге, остался где-то там, далеко позади. Впереди был новый человек. И этому человеку было не страшно.

Москва встретила его шумом, суетой и равнодушием огромного города. Но Семён уже не был тем деревенским мальчиком, который когда-то боялся больших компаний и новых знакомств. Он приехал сюда с конкретной целью, с чётким планом и с уверенностью, выкованной годами труда. Общежитие для абитуриентов гудело голосами, такие же взъерошенные ребята со всей страны зубрили конспекты, спорили до хрипоты и с трепетом ждали вступительных экзаменов. Семён влился в этот поток легко, как вливается ручей в большую реку.

Дни экзаменов слились в одно пятно: духота аудиторий, белые листы, скрип ручек. Он писал историю и сочинение с таким чувством, будто вкладывал в слова всю свою жизнь, всё то, что передумал за последние годы. И когда наконец вывесили списки зачисленных, он стоял в толпе абитуриентов и не решался подойти.

А потом услышал, как кто-то рядом, с лёгким, но заметным акцентом, немного мягким и певучим, — спросил:

— Э, слушай, а этот Потапов С. — не ты?

Обернувшись, Семён увидел парня, каких прежде встречал только в кино или на картинках в журналах. Невысокий, но ладно скроенный, поджарый, с коротко стриженными чёрными,

как смоль, волосами. Смуглая кожа, тонкий, с небольшой благородной горбинкой нос. Черты лица были резкие, чеканные, будто вырезанные искусным мастером по тёмному дереву. Но главное — глаза: большие, карие, глубоко посаженные, они смотрели спокойно и даже чуть насмешливо.

— Я, — выдохнул Семён, всё ещё не веря.

— Ну, поздравляю. Зачислен, — парень кивнул на список и протянул руку: — Саид.

— Семён.

— Вот и познакомились. — Саид чуть улыбнулся, и улыбка смягчила его суровое, орлиное лицо. — Тоже на юрфак. Это хорошо. Юрфак, как ковёр, слабых выкидывает быстро, но ничего, — он вдруг подмигнул, и в его тёмных глазах блеснул азартный огонёк, — прорвёмся.

Семён не нашёлся что ответить, только кивнул. А где-то глубоко внутри у него уже зрело чувство, что эта встреча точно не случайна. Что с этого момента всё начнётся заново. И начнётся правильно.

ГЛАВА II.

Теперь уже другие горы — не те, что виделись Семёну из окна автобуса, а высокие, седые, с заснеженными вершинами, которые даже летом не снимают белых папах. Оттуда, из небольшого города в Ингушетии, и приехал в Москву Саид.

Он был младшим сыном в многодетной семье: отец был инженер-нефтяник, человек с золотыми руками и спокойным, как у человека, привыкшего отвечать за сложные механизмы, нравом; мать — учительница начальных классов, тихая, но внутренне стальная женщина, которая умела одним взглядом утихомирить расшалившийся класс. Крепкая интеллигентная семья, где на столе всегда лежали книги, а по вечерам пили чай с чабрецом и говорили о самом разном, от школьных новостей до большой политики.

Дед его когда-то был уважаемым старейшиной, и в роду свято чтит законы гор — честь, справедливость, верность слову. Дед был человек, который прошёл через многое: совсем молодым, в сорок четвёртом, он был выселен в казахские степи со всем своим народом. Тринадцать лет безудержной борьбы за существование, сопровождавшиеся голодом, холодом, болезнями, смертью близких, однако народ выстоял. А после смерти Сталина, того самого, кто и выслал целый народ по придуманному штампу, люди начали возвращаться в родные края. И тут началось самое горькое: дома, покинутые при насильственном выселении, были заняты новыми переселенцами. Те искренне удивлялись, когда им говорили, что они живут в чужом доме, и отвечали, что дома эти, да и целые сёла, предоставлены им действующей властью. Было много конфликтов, и многие ингуши, которые пытались добиться справедливости, сами оказывались наказаны той самой системой, что когда-то вышвырнула их с родной земли. Дедушка рассказывал об этом с грустью и болью в глазах, и маленький Саид, сидя у его ног на старой кошме, запомнил эти рассказы навсегда.

Он понял тогда, не умом, а каким-то глубинным, родовым чутьём, что быть сильным и смелым — это только половина победы. Можно выйти одному против троих, можно не бояться удара, можно даже умереть с честью, но если ты не можешь донести свою правду до власти и до людей нужным словом, если ты не знаешь законов, по которым живёт государство, то ты беспомощен. «Власть без закона является оружием в руках глупца», — говорил дед, повторяя древнюю мудрость гор. И Саид запомнил это железно.

Борьбой он занимался с пяти лет: сначала просто возился со старшими братьями на ковре из старых одеял во дворе, потом его заметили и отдали в республиканскую школу. Он подавал большие надежды, ездил на соревнования всероссийского уровня и несколько раз занимал почётные призовые места. Тренеры говорили, что у него талант, помноженный на характер, а ведь это является большой редкостью. Но в пятнадцать лет случилось то, что перевернуло его путь: старшего брата несправедливо обвинили в преступлении, которого он не совершал. Брат сидел под следствием, семья собирала последние деньги на адвоката, а тот оказался безграмотным — путал статьи, не мог связать двух слов в суде, и брата осудили. Позже, конечно, приговор отменили, и брат вышел, но те месяцы, что семья прожила в унижении и бессилии, Саид не забыл. Именно тогда он решил, что станет юристом.

Он с отличием окончил школу, выучил русский до такого уровня, что акцент остался лишь лёгкой, красивой тенью в его речи, — низкий голос теперь звучал мягко, певуче, как горный ручей обкатывает камни. И поехал в Москву поступать на юрфак МГУ, чтобы однажды вернуться домой и защищать тех, кто не может защитить себя сам.

В нём удивительным образом сочетались горская горячность и восточная мудрость, взрывной темперамент и умение терпеть то, что он сам с усмешкой называл «ковёр научил». Он знал, когда нужно взорваться, а когда — замереть и ждать, пока противник сам сделает ошибку. Знал, что уважение не требуют, ведь только его заслуживают. И ещё он знал, что за каждым большим поступком стоит не только смелость, но и грамотность: иначе твоя правда останется лишь криком в пустоту.

Таким он и стоял в тот сентябрьский день у списков зачисленных на юрфак МГУ — невысокий, но ладно скроенный, поджарый, с коротко стриженными чёрными, как смоль, волосами. Смуглая кожа, тонкий нос с благородной горбинкой, резкие, чеканные черты лица, будто вырезанные искусным мастером по тёмному дереву. Тёмная водолазка обтягивала крепкий, тренированный торс, простые, начищенные до блеска туфли довершали облик — скромный, но исполненный врождённого достоинства.

В его больших карих глазах, глубоко посаженных, светилось спокойствие и та особая насмешливость, за которой прячутся и ум, и доброта.

Увидев растерянного светловолосого парня, что мялся в толпе и не решался подойти к заветному листку, Саид чуть улыбнулся и, шагнув ближе, спросил — голос его звучал низко, с лёгкой хрипотцой и тем самым певучим акцентом:

— Э, слушай, а этот Потапов С. — не ты?

Семён обернулся, встретился с ним взглядом и почему-то вдруг почувствовал, что эта встреча не случайна.

Так началась их дружба. Два борца, один из русской деревни, другой с ингушских гор, ещё не знали, сколько им предстоит пройти вместе. Но что-то уже сдвинулось, какая-то невидимая пружина судьбы начала разворачиваться. Московская жизнь стояла на пороге, и каждому из них предстояло доказать себе, родным, миру, что сила без закона действительно лишь оружие в руках глупца, а закон без силы — лишь мёртвая буква. Но когда сила и закон идут рука об руку, тогда и совершается справедливость. Именно ради неё они оба сюда и приехали.

Середина девяностых — время смутное, вязкое, как осенняя глина на просёлках. Страна только начала приподниматься, неуверенно, словно человек после долгой болезни: перестройки и разрухи ещё держали её за плечи, не давая распрямиться в полный рост. Люди вокруг были небогаты, а многие и откровенно бедны, и в их глазах, ещё не забывших советскую уравнительность, читалась растерянность пополам с наивной надеждой. Но уже появились и другие, те, кто пробивался сквозь этот общий небогатый мир, как первая трава сквозь

асфальт. Их называли по-разному: «новые русские», «малиновые пиджаки», «воздушники». Одни ворочали заводами, другими — воздухом, но результат был один: деньги, власть и та особая, показная надменность, которая спешит заявить о себе раньше, чем успеет оформиться в характер.

Даже здесь, в главном учебном заведении страны, разделение по классам и достатку ощущалось резко, как сквозняк из плохо пригнутой двери. Иные студенты уже приезжали на лекции с мобильными телефонами, тяжёлыми, похожими на кирпичи, но оттого не менее паразитическими для тех, кто считал копейки на проезд. Другие парковали у входа собственные автомобили, и это были не старые «Жигули», а иномарки, блестящие свежим лаком в серой московской мороси. Такое выделение из общей массы рождало в этих богатых студентах гордость, что легко и быстро переходит в презрение ко всем, кто не может ответить тем же.

Саид по своей природе был человеком общительным и открытым. Он легко сходилась с людьми, умел и выслушать, и поддержать разговор, и вовремя вставить какую-нибудь горскую, с перчинкой шутку, но никогда не обидную. Однако группа, в которой он учился, оказалась на редкость своеобразной. С одной стороны, тихие, замкнутые в себе ребята, которые, казалось, и сами не прочь поговорить, да не умели: на любой вопрос они не раскрывались, а наоборот, замыкались ещё сильнее, как моллюски, почуявшие опасность. Возможно, они тоже искали общих тем, но страх показаться неловкими перевешивал. С другой стороны, те самые мажоры, дети обеспеченных родителей, которые своим поведением словно говорили, что им никто не нужен. С этими Саид и сам не хотел иметь дела.

Но однажды получилось, что пришлось.

Шла лекция. Преподаватель, немолодой уже мужчина с усталым лицом и тихим голосом, читал какую-то тему из общей теории права — предмет важный, но для многих скучный своей отвлечённостью. В аудитории было душно, и студенты потихоньку клевали носом. А один из тех самых мажоров, по имени Володя — розовощёкий, громкоголосый, с дорогими часами на запястье, — откровенно мешал. Он то и дело вставлял шутки, громко комментировал слова преподавателя и явно хотел показать, что он настолько состоятелен и независим, что мнение остальных для него пустой звук. Преподаватель несколько раз пытался его пристыдить, сперва взглядом, потом коротким замечанием, наконец — прямой просьбой, но всё было бесполезно. Володя лишь ухмылялся и продолжал.

Тогда Саид, сидевший через ряд, не сдержался. Он обернулся и сказал негромко, но так, что в его голосе зазвенел металл:

— Ты можешь оставить шутки для перерыва. Тут кроме тебя есть люди, которые хотят послушать преподавателя.

Повисла короткая тишина. Володя, не ожидавший отпора, сперва опешил, а потом взорвался. Лицо его пошло красными пятнами, и он, уже не сдерживаясь, начал выкрикивать оскорбления через всю аудиторию про «горских баранов», про «понаехавших» и прочее, чего Саид наслушался ещё до него.

Но рядом с Володей сидел его друг, которого вся эта компания явно уважала и перед которым лебезила. Звали его Олег. Он был немногословен, даже угрюм, и в то же время очень уверен в себе. Пока Володя разорялся, Олег не двигался. Потом поднял руку и Володя осёкся на полуслове, будто его выключили.

— Закрой рот, — коротко бросил Олег. И, повернувшись к Саиду, добавил с явным вызовом: — А ты что, за всех решил заступиться? Если такой серьёзный, то после лекции поговорим.

Саид ничего не ответил. Только кивнул едва заметно.

Лекция дотянулась до конца, и когда прозвенел звонок, Саид собрал тетрадь, положил ручку в карман и вышел в коридор. Он встал у окна, прислонившись спиной к подоконнику, и стал ждать. Внутри у него было спокойно, как перед схваткой на ковре. Он знал, что такие разговоры откладывать нельзя. Отложишь и завтра они придут вдвоём и сзади.

Первым из аудитории выскочил раскрасневшийся, злой, с жадной реванша в глазах Володя. За ним потянулась вся компания, человек пять-шесть, шумные, взбудораженные. И последним, не торопясь, вышел Олег. Он остановился напротив Саида, сунул руки в карманы и посмотрел ему прямо в глаза взглядом, в котором не было ни страха, ни желания казаться круче, чем он есть, а лишь одно холодное, оценивающее любопытство.

В коридоре было тихо, только где-то далеко хлопнула дверь. Студенты, проходившие мимо, замедляли шаг, но под взглядом Олега быстро уходили. Саид и Олег стояли друг напротив друга — двое молодых парней, вылепленных разными мирами, но чем-то неуловимо похожих. Воздух между ними натянулся струной.

Саид спокойно выдержал взгляд, не отводя глаз и не меняясь в лице.

Он стоял, чуть откинув голову назад — старая борцовская привычка: никогда не опускать подбородок перед соперником, даже если соперник пока не на ковре. Такие паузы он хорошо знал: двое стоят друг против друга, и первый, кто заговорит, часто проигрывает. Но здесь был не ковёр, а коридор, пропахший меловой пылью и дешёвым кофе из буфета, и молчание затягивалось дольше, чем требовала простая осторожность. Саид чувствовал спиной любопытные взгляды студентов, что проходили мимо и замедляли шаг, но не оборачивался. Он ждал, когда Олег скажет что-нибудь ещё. Или, когда скажет он сам.

— Слушай, — заговорил наконец Саид негромко, и его голос, низкий, с лёгкой горской хрипотцой, прозвучал в тишине коридора особенно веско, как камень, брошенный в спокойную воду, — у меня с тобой вопросов нет.

Ты вроде неглупый парень, я это вижу. А вот к тому пугалу, — он коротко кивнул в сторону Володи, который топтался за спиной Олега и, кажется, уже набирал воздуху для ответной тирады, — у меня их много. У него язык хуже, чем у вздорной женщины на базаре. И я так думаю, что если сегодня не я, то завтра другой найдётся. Потому что длинный язык, когда он без мозгов, всегда рано или поздно находит себе ножницы.

Он говорил без угрозы, почти лениво, но каждое слово ложилось точно на место. За его спиной, в дверях аудитории, уже собралась кучка зевак, несколько одноклассников, которые вышли на шум и теперь переглядывались, не зная, вмешаться или сделать вид, что ничего не происходит. Саид их не замечал, ведь смотрел только на Олега.

Володя за спиной Олега сперва побагровел, потом побелел, ибо явно не привык, чтобы с ним разговаривали в таком тоне, да ещё и при свидетелях. Но что-то в спокойствии Саида лишало его обычной уверенности. Он открыл было рот, но Олег, не оборачиваясь, чуть повёл плечом, и Володя осёкся, будто его выключили.

— Его язык — это его дело, — ответил Олег ровно. — А вот если ты его собрался укорачивать, то тебе прежде со мной разобраться надо.

Саид понимающе усмехнулся, так как сам не раз прикрывал чужую спину просто потому, что так правильно, а не потому, что тот, кого прикрываешь, этого заслуживает. В его тёмных глазах мелькнуло что-то похожее на уважение к Олегу, который, при всей сомнительности компании, держал слово и не бросал своих.

— Ну, если ты за него вписываешься, тогда ты, выходит, за него и отвечаешь. — Саид выдержал короткую паузу, во время которой они смотрели друг другу прямо в глаза, и добавил

совсем тихо, почти без интонации: — А если отвечаешь, значит, ты такой же. В таком случае мне и правда лучше с тобой разобраться.

Олег выслушал это молча. Где-то в глубине его зрачков мелькнуло нечто похожее на мимолетное уважение. Он оценил, что Саид не стал цепляться к Володе, который был слабее и глупее, а сразу пошёл к главному. Это был сразу понятый жест.

— Тогда давай после занятий, — сказал он. — У стадиона, за территорией университета. Там есть место, где никто не ходит. Не хочется из-за вас, — он едва заметно кивнул на Володю и остальных, — терять учёбу. Я сюда поступать ехал, а не кулаками махать.

— Я тоже, — спокойно ответил Саид. — Но иногда получается так, что без этого никак.

Олег не ответил, только чуть дёрнул уголком рта, не то усмешка, не то согласие.

— Договорились, — сказал он. — А сейчас зайдём обратно, чтобы лишнего шума не было. А то администрация тут нервная, а нам ещё пять лет здесь учиться. Не хватало, чтобы нас обоих отчислили из-за этого, — он снова кивнул на Володю, и в его голосе впервые прорезалось что-то похожее на усталость от собственной компании.

Они ещё секунду постояли друг против друга — оба невысокие, но одинаково крепкие, с одинаково развитыми плечами и одинаковым борцовским спокойствием в глазах. Два человека, которые выросли в разных мирах, на разных языках, под разными небесами, но которых жизнь учила одним и тем же урокам: держать удар, не показывать боли, не отворачиваться от своих.

Потом, не сговариваясь, оба развернулись и вошли в аудиторию — Олег первым, Саид следом. Володя, так и не проронивший ни звука, засеменял за ними, чувствуя, что его роль в этом разговоре оказалась до обидного мала, и от этого унижения лицо его шло красными пятнами. Остальная компания, человек пять-шесть, — потоптавшись в коридоре ещё пару секунд, потянулась следом. Кто-то из них нервно хмыкнул, но никто не проронил ни слова, потому что все понимали, что Олег только что поставил себя под удар из-за человека, который этого, по большому счёту, не заслуживал. А Володя и сам это понимал, оттого и молчал.

Лекция возобновилась. Преподаватель, немолодой уже мужчина с усталым лицом, который наверняка слышал шум в коридоре, но предпочёл не вмешиваться, монотонно диктовал что-то про правовые нормы. Саид сидел через два ряда от Олега, прямой как струна, и что-то записывал в тетрадь. Лицо его было спокойно, как будто и не было только что никакого разговора. Олег тоже сидел молча, но иногда бросал короткие оценивающие взгляды в сторону Саида, как смотрят на достойного соперника, с которым ещё неизвестно, придётся ли драться или, может быть, когда-нибудь сидеть за одним столом.

А за окном ветер гнал по серому московскому небу низкие, тяжёлые облака, обещавшие к вечеру дождь. До конца занятий оставалось ещё две пары. И где-то в другой аудитории, на другом конце коридора, Семён, ничего не знавший об этом разговоре, сидел над своими конспектами — два разных мира пока ещё до конца не пересекались, но уже двигались навстречу друг другу, подгоняемые одним и тем же ветром.

После пары, как и договорились, они пошли в сторону стадиона. Как бы им ни хотелось обойтись без лишнего шума, сарафанное радио сработало мгновенно: за ними потянулась шумная толпа ребят. Всем было интересно, ведь Олег слыл человеком серьёзным и опасным. Он был действующим спортсменом, мастером спорта по боксу, и мало кто сомневался в его победе. Саида же почти никто не знал — только то, что он крепкий парень с характером, а этого для ставок явно недостаточно. Потому вся толпа, человек двадцать, не меньше, гудела

предвкушением, и каждый третий уже мысленно видел финал, в котором Олег укладывает дерзкого горца в первые же секунды.

У Семёна как раз закончились занятия, он выходил из аудитории на другом конце коридора, когда увидел необычное оживление и впереди, в гуще незнакомых ребят, знакомый силуэт. Саид. Семён сразу заметил, что идут они не просто так, а целенаправленно, и что-то в этом движении ему сильно не понравилось. Он быстрым шагом догнал их уже на выходе из корпуса, тронул Саида за плечо и поздоровался.

— Что-то случилось?

Саид, не останавливаясь, процедил сквозь зубы:

— Мне тут поговорить надо. Небольшой конфликт.

Семён, не слушая дальше, коротко бросил:

— Пошли вместе.

И молча пристроился рядом, без лишних вопросов. Саид покосился на него, хотел что-то возразить, но, встретив упрямый взгляд, только качнул головой: мол, дело твоё.

Место для встречи Олег выбрал с умом, ибо за стадионом, среди старых разлапистых деревьев, куда с фасада почти не заглядывали. В это время дня тут вообще мало кто ходил, а те, кто случайно забредал, предпочитали не замечать чужих разборок. Идеальное дно для того, чтобы выяснить отношения без лишних глаз. Ну, почти без лишних — толпа зевак, пришедшая следом, плотным кольцом окружила пяточок утоптанной земли.

Расклад сразу стал ясен: за Олега болели почти все. За Саида — только двое. Семён стоял, чуть расставив ноги и скрестив руки на груди, спокойный и собранный. Рядом с ним переминался с ноги на ногу невысокий худенький паренёк в очках, которые то и дело съезжали ему на нос. Звали его Миша.

Миша был человеком, совершенно не приспособленным к жизни, но абсолютно лучшим на курсе по учёбе. Физическая сила в нём отсутствовала напрочь, зато голова работала как часы. Ему очень нравился Саид — своим спокойным, независимым нравом и надёжностью, которая чувствовалась в нём сразу. Миша терпеть не мог драк и конфликтов, они вызывали у него почти физическую тошноту, но сегодня он решил поддержать Саида хотя бы своим присутствием. Раз решил — значит стоял, хоть колени и подрагивали.

Парни не стали тратить время на разговоры. Олег молча вышел в центр круга, скинул куртку, бросил её Володе под ноги и принял классическую боксёрскую стойку, поставленную годами тренировок: левая впереди, правая у подбородка, корпус чуть развёрнут. В его движениях чувствовалась особая, хищная плавность, присущая только мастерам. Саид вышел напротив и тоже поднял руки, его стойка была ниже, шире, с опущенным центром тяжести. Борцовская.

Олег решил вырубить его сразу в стойке, пока расстояние позволяло работать руками. Он был уверен в себе: мастер спорта, десятки боёв за плечами. У Саида задача была сложнее, так как ему надо было во что бы то ни стало прорваться в ближний бой, к любому фрагменту тела противника, чтобы сделать захват и дальше уже действовать по-своему.

Так всё и случилось. Саид сразу ринулся вперёд, сокращая дистанцию. Олег, отступая по кругу, начал производить резкие, красивые и, главное, очень ощутимые удары, которые, как и предполагалось, почти все попали в цель. Удар в лоб, ещё один — в скулу, третий — прямой

в нос. Голова Саида мотнулась, лицо мгновенно залило кровью, и его сильно повело. Толпа ахнула, а кто-то уже радостно вскрикнул, предчувствуя скорый финал.

Но именно в этот момент, уже падая и почти теряя сознание, Саид сделал то, ради чего принимал эти удары на себя: он сумел ухватиться за краешек ноги Олега. Мёртвой, железной хваткой. Олег попытался вырваться и добавил сверху ещё два тяжёлых, но уже не точных удара, потому что равновесие начало уходить. А Саид, преодолевая боль и мусть перед глазами, начал развивать наступление. Он перехватил вторую ногу, мощным рывком оторвал Олега от земли, поднял, как говорят борцы, на второй этаж и со всей силы, которой у него оставалось совсем немного, всадил его спиной в утопанную землю.

Звук от падения вышел такой, что толпа на мгновение замолчала. А Саид уже сидел сверху и со всей размашистостью, на какую был способен, наносил удары по Олегу. Кровь хлестала с его лица ручьём, нос, видимо, был сломан. У Олега дела были немногим лучше: при броске он неудачно упал на руку, и теперь она висела плетью, совершенно не работая. Позиция у Саида была значительно выгоднее, и он её использовал сполна.

Вот тут зачинщик всего этого — Володя — и решил переломить ход событий в пользу своего патрона. Он подбежал к дерущимся, намереваясь перевернуть Саида и позволить Олегу оказаться сверху. Но не успел. Семён, который всё это время стоял наготове, среагировал мгновенно: в один прыжок оказался рядом, схватил Володю со спины и взял его в классическое удушение — приём, который он отработывал в зале Аслана десятки раз, до автоматизма.

— Если двинешься, то задущу, — тихо и спокойно сказал он Володе на ухо. И тот поверил сразу. Замер и даже дышать стал через раз.

В рядах зевак начались волнения. Кто-то уже двинулся к Семёну, кто-то — к Саиду. Запахло большой потасовкой. И тут произошло то, чего никто не ожидал: Миша, тихий и нелепый Миша, который боялся драк больше всего на свете, стремительно нагнулся, подобрал увесистый камень, встал плечом к плечу с Семёном и поднял своё оружие над головой. Рука дрожала, очки окончательно съехали набок, но выражение лица было такое яростное и решительное, что нападавшие невольно замешкались. Этот худенький парень готов был использовать камень без всяких раздумий, и это читалось в его глазах за толстыми линзами очков.

Дело катилось под откос и для Саида, и для его маленькой команды. Но тут снизу, из под Саида, тяжело дыша и еле ворочая языком, прохрипел Олег:

— Отложим... Отпусти.

Саид замер. Его кулак, уже занесённый для очередного удара, повис в воздухе. Он тяжело дышал, кровь капала с подбородка прямо на лицо Олегу, но приказ, а это был именно приказ, отданный тем, кто имел право его отдать, он услышал. Разжал пальцы и медленно, пошатываясь, поднялся.

Олег встал с трудом, без помощи здоровой руки это было почти невозможно. Володя, отпущенный Семёном, кинулся было к нему, но Олег остановил его одним резким, почти презрительным движением здоровой руки.

— Прекратить всё, — громко, насколько позволяло сбитое дыхание, сказал он, обращаясь уже ко всей толпе. — Всё было по-честному. Так и должно быть в дальнейшем. Кто не согласен, будет иметь дело со мной.

Толпа притихла. Олег, шатаясь, подошёл к Саиду, который стоял весь в крови и дышал так, будто пробежал десять километров по горам. Вид у Олега был и того хуже: левая рука висела безжизненно, лицо разбито, на затылке набухла огромная шишка от удара о землю. Он протянул здоровую руку.

— Всё по-честному, — повторил он уже тише, только для Саида. — Предлагаю ещё раз встретиться. После выздоровления обоих. Интересно было.

Саид крепко и без тени вражды пожал протянутую руку.

— Всегда готов. Выздоровливай.

Олег кивнул, обернулся к Володе и коротко, зло обругал его, за что именно, никто не разобрал, но Володя съёжился и стал похож на побитого щенка. Потом Олег, сопровождаемый всей своей свитой, медленно двинулся в сторону ворот стадиона. Толпа, тихо переговариваясь, расходилась. Кто-то качал головой, кто-то, наоборот, возбуждённо обсуждал увиденное: зрелище получилось неожиданным для всех. Мастер спорта по боксу, уложенный каким-то безвестным горцем, такое не каждый день увидишь, да ещё и на первом курсе.

На поляне за деревьями остались только трое: Саид, Семён и Миша. Миша всё ещё сжимал камень в побелевших пальцах.

— Миш, — позвал его Саид, прижимая рукав к разбитому носу, — положи камень. Всё кончилось. Ты молодец. Иди сюда.

Миша осторожно, будто не веря, что камень ему больше не нужен, опустил его на землю. Поправил очки. И вдруг его худое лицо расплылось в совершенно счастливой, мальчишеской улыбке.

Саид стоял, покачиваясь, и кровь с разбитого лица капала ему на водолазку, смешиваясь с налипшей землёй. Глаза заплывали, но в них ещё теплился тот самый неукротимый уголь, который только что помог ему вырвать победу у более опытного и титулованного противника. Семён, отпустив наконец Володю, которого держал мёртвой хваткой, подошёл ближе и молча положил руку Саиду на плечо, не давая упасть, просто давая понять, что он не один.

— Ну и вид у тебя, — нарушил молчание Семён, пытаясь улыбнуться. — Как будто ты не с парнем дрался, а с целым ущельем.

Саид попытался усмехнуться в ответ, но вышло только поморщиться, разбитая губа тут же отозвалась болью.

— Зато ты своего «пугало» хорошо приложил, — прохрипел он, косясь на Семёна. — Не знал, что так красиво можно.

— Я вообще-то на борьбу ходил, — пожал плечами Семён. — И ещё... мы с тобой вообще-то знакомы. Вспомни списки, юрфак. Ты тогда подошёл, спросил: «Потапов С. — не ты?» Вот я и есть тот Потапов.

Саид замер на секунду, взглядываясь в лицо Семёна сквозь заплывающие веки. Потом вдруг хрипло, но искренне рассмеялся:

— Точно! А я всё думал, где я тебя видел. Выходит, ты за мной с самого начала следил?

— Не следил, — улыбнулся Семён. — Просто случайно вышел. Увидел оживление, тебя узнал. Решил не оставлять одного.

Миша наконец опустил камень, осторожно положил его у дерева и, поправив очки, подошёл ближе. Он всё ещё дрожал, но старался говорить спокойно:

— Саид, тебе срочно надо в медпункт. Или хотя бы в общежитие. У тебя, кажется, нос сломан. Я могу посмотреть, у меня мама медсестра, я немного умею.

Саид перевёл на него взгляд и вдруг улыбнулся той самой мягкой улыбкой, которая так преображала его суровое лицо.

— Спасибо, Миша. Ты... ты настоящий джигит, хоть и без папахи. Я видел, как ты с камнем стоял.

Миша покраснел и что-то пробормотал насчёт того, что он не любит драк, но Саида в обиду не дал бы.

Они втроём медленно двинулись через стадион к выходу. Саид шёл, опираясь на плечо Семёна, а Миша семенил чуть сбоку, то и дело поправляя очки. Небо над Москвой уже окончательно затянуло тучами, и первые капли дождя застучали по бетонным дорожкам, прибывая пыль и смывая с асфальта напряжение этого вечера. Семён вдруг поймал себя на мысли, что впервые чувствует себя не просто участником чьей-то истории, а её частью — важной, нужной частью.

— Слышь, земляк, — вдруг снова заговорил Саид, обращаясь к Семёну, — а ты ведь тоже на юридический поступил, да? Я помню. Мы с тобой ещё тогда, у списков, переглянулись. Как будто судьба.

— Я тоже так подумал тогда, — тихо ответил Семён.

Миша, воспрянув духом, тут же вставил:

— Так мы все трое с одного факультета! Значит, нам вместе учиться. Это... это потрясающе! Я, правда, не очень умею общаться, но с вами мне как-то спокойно.

Саид остановился, посмотрел на одного, на второго, перемазанный кровью и землёй, но с таким выражением, будто только что получил нечто куда более важное, чем победа в драке.

— Вот что, ребята. После сегодняшнего стоит выпить чаю. Как только лицо моё в порядок приведём, приглашаю к себе в общежитие. У меня травы горные есть, мать присылает.

— Договорились, — сказал Семён, и в его голосе не было и тени сомнения.

Дождь усиливался, но странное дело — никто не ускорял шаг. Они брели через пустеющий двор, трое молодых людей, ещё вчера не знавших друг друга, а сегодня связанных тем неуловимым, почти мистическим родством, которое рождается не за партой и не за столом, а в минуту общей опасности. И где-то глубоко внутри каждый из них уже чувствовал, что это только начало. Начало дружбы, которая проведёт их через все бури студенческой жизни, а потом и дальше.

Впереди был долгий путь. Но теперь они знали, что не пройдут его поодиночке.

Всё-таки пару недель Саиду пришлось отсиживаться дома: с таким лицом на занятия не ходят. Нос, который, как и подозревал Миша, оказался сломан, распух и посинел так, что даже мать родная не сразу признала бы. Под обоими глазами налились тяжёлые, почти чёрные гематомы, ведь Олег бил точно и без жалости. Но молодость брала своё, и с каждым днём синяки понемногу желтели по краям, а боль из острой превращалась в тупую, терпимую. Саид, привыкший к травмам ещё по борцовской школе, знал, что это хороший знак. Значит, заживает.

В эти дни он сидел дома и готовился, потому что не хотел отставать от программы. Читал учебники, переписывал конспекты, которые ему приносили, и по вечерам, когда боль в носу становилась особенно нудной, заваривал себе горный чай из трав, присланных матерью. Чай пах домом — чабрецом, мятой, чем-то ещё, чему Саид не знал русского названия, — и этот запах помогал лучше любых таблеток.

Гости к нему заходили часто. Семён бывал несколько раз, чтобы принести хлеб и консервы из своего небогатого студенческого пайка, и они подолгу сидели на кухне общежития, разговаривая обо всём подряд. Семён рассказывал про своё село, про тренера Аслана, про Юрика и ту самую драку, с которой всё началось. Саид слушал, кивал и думал про себя, что у этого деревенского парня внутри стержень, похожий на его собственный.

Но самым частым гостем был, конечно, Миша. Он жил в том же корпусе общежития, всего двумя этажами выше, и заходил почти каждый вечер. Миша оказался незаменим: он подробно, с въедливостью прирождённого отличника, рассказывал, что проходили на лекциях, какие темы спрашивали преподаватели, на что обратить особое внимание. Он был как ходячая энциклопедия, казалось, он знает всё. Статьи кодексов, даты, фамилии учёных-правоведов, латинские термины, которые остальным приходилось зубрить ночами, всё это умещалось в его лохматой голове с поразительной лёгкостью. Саид иногда смотрел на него и думал: вот уж воистину — сила не в кулаках. Дай этому парню ещё пару лет, и он будет выигрывать дела, не вставая с кресла.

— Слушай, Миш, — сказал как-то Саид, когда они вдвоём сидели над раскрытым учебником гражданского права, — а откуда ты вообще всё это знаешь? Ты же только поступил.

Миша поправил очки привычным, чуть нервным жестом и пожал плечами:

— Я летом, пока каникулы были, прочитал учебники за первый курс. И за второй немного. Мне интересно.

Саид только покачал головой. Он представил себе, как этот худенький парень, вместо того чтобы гонять мяч или просто валяться на траве, сидит в душной комнате и читает то, что другие даже на лекциях не всегда слушают. Это вызывало уважение особого рода, непохожее на то, что рождается в драке.

Семён жил чуть дальше, его общежитие находилось в другом конце студгородка, минут пятнадцать пешком через парк. Поэтому он не мог забегать каждый день, но всё равно старался появляться хотя бы через день. И когда они собирались втроём: Саид с перемотанным носом, Семён с вечно усталыми, но спокойными глазами, Миша с кипой конспектов под мышкой, маленькая кухня общежития наполнялась тем особым теплом, которое бывает только там, где собираются люди, проверенные делом.

Так прошли две недели. Синяки сошли почти полностью, нос ещё побаливал, но уже не бросался в глаза. Саид глянул на себя в мутное зеркало над умывальником, провёл ладонью по короткому ёршику волос и удовлетворённо хмыкнул: жить можно. В то утро он оделся особенно тщательно, побрился и впервые за две недели отправился на занятия.

Когда он вошёл в аудиторию, несколько голов повернулись. Кто-то шепнул соседу, кто-то просто проводил его взглядом — кто с уважением, кто с опаской, а кто и с любопытством. Олег, сидевший на своём обычном месте у окна, поднял глаза. Рука его всё ещё висела на перевязи, но синяки уже сошли совсем, и вид у него был всё такой же спокойный, непроницаемый. Они встретились взглядами, и Олег коротко, почти незаметно кивнул, а Саид кивнул в ответ.

Саид прошёл на своё место, где его уже ждали Семён и Миша — последний специально занял ему стул рядом, поставив на него свою неизменную потёртую сумку. Саид сел и впервые за две недели ощутил, что вернулся, что он снова в строю. И что впереди будет много работы, но теперь у него есть те, с кем эту работу делить.

Жизнь продолжалась. И она, как показало это утро, была полна надежд.

На перерыве, когда толпа студентов высыпала из аудиторий и потекла в сторону столовой, Саид намеренно выждал момент. Он увидел Олега, тот сидел за дальним столиком у окна, пил чай, неловко держа кружку левой рукой, потому что правая всё ещё висела на перевязи. Володя крутился рядом, но, заметив приближающегося Саида, как-то сразу вспомнил о неотложных делах и исчез. Саид усмехнулся про себя и подошёл.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он без всякой враждебности.

Олег поднял глаза, и на его лице, всё ещё хранившем следы той короткой, но яростной схватки, медленно проступила усмешка.

— Ну, как видишь, — он кивнул на перевязанную руку, — с твоей и Божьей помощью пью чай левой рукой. Непривычно, но терпимо. — Он помолчал и добавил уже серьёзнее, почти добродушно: — А вообще, наверное, поделом. Сам напросился. Но тренировка хорошая получилась. Давно так не выкладывался.

Было в его голосе что-то, чего Саид не ожидал: не злость на соперника, а спокойное, трезвое признание собственной неправоты. Такое редко встречается, особенно у людей, привыкших побеждать.

— А ты как? — спросил Олег, отставляя кружку. — Вроде вижу, всё сошло? А то я пару раз хорошо тебе приложил.

— Да нормально, — пожал плечами Саид. — Нос только ещё немного побаливает. Но самое обидное — не нос. Обидно, что пришлось столько занятий пропустить. Только начали, а я уже в отстающих.

Олег понимающе кивнул. Он и сам пропустил немало, ведь с переломанной рукой на лекциях много не напишешь.

— А ты сам откуда? — спросил Саид, присаживаясь напротив. Ему вдруг стало интересно, что за человек сидит перед ним: не просто противник по той драке, а кто-то, с кем, возможно, им предстоит проучиться бок о бок пять лет.

Олег заметно оживился. В его глазах мелькнула та особая гордость, которая бывает только у людей, искренне любящих свой родной город.

— Я москвич. В каком... десятом, наверное, колене? — Он усмехнулся. — Отец у меня бывший военный, афганец. Сейчас на пенсии. Раны старые дают о себе знать, но держится. Мать — врач. Так что у нас семья такая: один лечит, другой калечит.

Он сказал это с той простой, немного грубоватой шутливостью, за которой часто прячут нежность. Чувствовалось, что отца своего он и уважает безмерно, и любит по-своему, не выставляя это напоказ.

— Я сам, если честно, в глубине души хотел быть военным, — продолжил Олег, помолчав. — Ну, знаешь, как в детстве: форма, погоны, армейская чёткость. Но потом подумал, что для жизни, для семьи, для, скажем так, удобства — юристом, наверное, лучше. А там уж как сложится. Время покажет. До окончания ещё четыре с половиной года, всякое может случиться.

Он отхлебнул чаю и вдруг, подняв глаза на Саида, спросил с искренним любопытством:

— А ты? Прямо с гор сюда поступил? Или здесь жил, родился? Вроде акцента у тебя почти нет.

Саид усмехнулся, но в его глазах мелькнула та же гордость, что и у Олега минутой раньше.

— Ты просто не знаешь наш народ, — сказал он, чуть выпрямляясь. — Ингуши в своей основе говорят без акцента. У нас очень много грамотных людей. Школы хорошие, и русский язык учим с детства, не хуже родного.

Олег слушал внимательно, не перебивая. И когда Саид замолчал, он вдруг отставил кружку, опёрся здоровой рукой на стол и без ухмылки, серьёзно проговорил:

— Знаешь, Саид, как бы неприятно ни началось наше знакомство... сейчас я рад, что мы познакомились. Правда. Ты мужик. И если тебе вдруг понадобится помощь в любом вопросе, я помогу. У меня слово твёрдое.

Он протянул здоровую руку.

Саид с улыбкой пожал её, скрепляя то, что родилось между ними на утопанной земле стадиона и теперь проросло в тихом разговоре за чаем в шумной студенческой столовой.

— Взаимно, — сказал он. — И ты своих держи в узде. А то в следующий раз я могу и не сдержаться.

Они оба искренне рассмеялись.

За соседним столиком Миша, который всё это время делал вид, что увлечённо размешивает сахар в компоте, наконец выдохнул и поправил очки. Семён, сидевший рядом, молча кивнул ему, как бы говоря, что всё хорошо. Можно было не подслушивать, но они оба понимали, что этот разговор, случившийся в обычной студенческой столовой, был важнее иных лекций. Он был уроком того, как вчерашние враги становятся людьми, которые могут сидеть за одним столом и говорить без ненависти. И, честно сказать, оба за своего друга были рады.

В группе у Саида была староста, девушка по имени Ира. Она приехала из Пензы, училась прилежно, на лекциях сидела в первом ряду и всё записывала аккуратным, почти каллиграфическим почерком. Была она не то чтобы красавица, но что-то в ней цепляло: мягкая улыбка, внимательные серые глаза за круглыми очками и какая-то серьёзность, с которой про-

винциальные отличницы смотрят на мир. Как-то само собой получилось, что она потихонечку сошлась с Мишей, сперва просто обменивались конспектами, потом он помог ей с задачей по римскому праву, потом она стала ждать его после пар. Миша был немногословен и, конечно, совершенно безынициативен в сердечных делах. Он мог часами рассказывать про особенности наследования по закону, но покраснел бы до корней волос, если бы пришлось сказать девушке простые слова, которые, кажется, сами просятся на язык. В группе его любили и уважали, особенно после того случая с камнем, о котором теперь рассказывали почти как легенду, но сам он оставался всё таким же рассеянным, каким бывают только гениальные отличники.

Мише очень нравилась Ира. Он этого не говорил, да и не знал, как сказать. А Ира, похоже, всё понимала и ждала, не торопя событий.

В один из дней Миша подошёл к Саиду с видом заговорщика: очки набекрень, в руках три билета, зажатых так, будто это вещественные доказательства особой важности.

— У меня три билета на концерт, — выпалил он, переводя дыхание. — «Сплин». Знаешь, такая группа. Сейчас очень популярная. Поехали вместе послушаем. Ты, я и Ира. Мне с ней вдвоём неудобно, — тут он осёкся и поправился, — в смысле, я не знаю, о чём говорить. А троём будет веселее.

Саид посмотрел на него с улыбкой:

— Нет, Миша, ты поезжай. Вдвоём вам будет интереснее, поверь мне.

— Пожалуйста, — Миша поднял на него умоляющие глаза, и в этом взгляде было столько беспомощной надежды, что отказать сделалось невозможно. — Я вообще не знаю, как себя вести. Я начну ей про римское право рассказывать. А она заскучает. А ты умеешь говорить, и мне будет спокойнее.

Саид вздохнул и усмехнулся:

— Ладно, хорошо. Когда?

— Завтра вечером! — Миша просиял. — Я Ире скажу.

— Договорились.

На следующий день они троём стояли в очереди на проходе в концертный зал. Саид, одетый в свою неизменную тёмную водолазку, поглядывал по сторонам с любопытством, так как он впервые в жизни был на таком большом концерте. Всё казалось ему удивительным: и длинная очередь из молодёжи в джинсах и клетчатых рубашках, и густой гул голосов, и тяжёлые басовые аккорды, доносившиеся из приоткрытых дверей. Миша стоял рядом, нервно оглаживая билеты в кармане, а Ира, стоявшая чуть в стороне, тихо улыбалась, глядя на них обоих.

В зале было шумно и душно. Когда погас свет, и первые аккорды «Сплина» обрушились на толпу, Саид на мгновение замер, а потом, сам того не замечая, начал покачиваться в такт. Музыка была странная, не похожая на то, к чему он привык дома. Ира и Миша стояли рядом, плечом к плечу, и Саид краем глаза заметил, что Миша пару раз неуклюже, словно невзначай, касался её руки, а она не отодвигалась.

Концерт прошёл весело, если не считать пары мелких недоразумений: какие-то подвыпившие парни попытались затеять потасовку в фан-зоне, но их быстро уgomонили. Друзья

выбрались на свежий воздух, разгорячённые и довольные, и двинулись к метро. Москва искрилась вечерними огнями, и в воздухе пахло осенью, дымом и чем-то ещё, напоминающем свободу и молодость.

Они спустились в метро на «Охотном ряду», и когда вошли в длинный, гулкий переход в сторону «Театральной», Саид сразу заметил неладное. Впереди, метрах в пятидесяти, клубилась какая-то возня. Слышны были крики, глухие удары и пьяный, захлёбывающийся смех. Когда подошли ближе, стало видно, что человек пять-шесть курсантов в форме, с беретами, лихо сдвинутыми набекрень, избивали всё вокруг. Было ясно, что они хорошо выпили и, судя по тому, как пружинисто и резко они двигались, пребывали в отличной спортивной форме. Один из них, ближайший, держал какого-то молодого парня, заломив ему руку за спину, и бил ногой по лицу. Методично, с каким-то пьяным упоением жестокостью.

Конечно, можно было развернуться и уйти. Даже, наверное, нужно было, тем более с ними была девушка. Но какая-то внутренняя гордость, то самое, что заставляло деда рассказывать сквозь боль о выселении и возвращении, то самое, что не позволило Саиду смолчать на лекции, сейчас не позволило ему сделать шаг помедленнее. Он даже не замедлил хода. А Миша, у которого сердце, конечно, ушло в пятки, шёл за Саидом ровно, не задумываясь о плохом и всецело уверенный в нём. Ира молча вцепилась в рукав Миши и не отставала.

Как только Саид подошёл достаточно близко, тот курсант, что был занят избиением, отпустил свою жертву и, будто почуяв нового противника, резко развернулся. Не теряя ни секунды, он ринулся на Саида. Саид мгновенно встал в бойцовскую стойку, прикрывая собой Мишу и Иру. Курсант, столкнувшись с этим спокойным, немигающим взглядом, вдруг замер, так как что-то в стойке незнакомца ему явно не понравилось. Он не решался нападать.

Но тут подскочили его друзья и, окружив Саида полукругом, начали наседавать, сперва криками, потом, всё смелее, приближаясь. Саид аккуратно, не разрывая стойки, отступал, отводя своих друзей назад. Так продолжалось несколько минут: они надвигались, он спокойно, плавно отходил, как на тренировочном ковре, не давая зайти себе за спину. Те тоже не решались напасть первыми: видно, чуяли, что этот парень не случайный прохожий.

И вдруг из толпы выскочил вперёд более трезвый парень, видимо, старший или просто самый сообразительный. Он притронулся к руке Саида. Не ударил, а именно тронул, будто трогает раскалённый утюг, проверяя, насколько он горяч.

— Парнишка, ты кто? — спросил он негромко.

Саид, не опуская рук, ответил ровно:

— Я — человек, который идёт своей дорогой. И обязательно пройду.

Первый, пьяный, начал выкрикивать что-то матерное в адрес Саида, брызгая слюной. Саид дослушал и спокойно, почти лениво ответил:

— Ты за толпой не кричи. Если такой смелый, то можем вдвоём отойти. Поговорим без зрителей.

Тот взревел было снова, но трезвый парень, притронувшийся к Саиду, вдруг прикрикнул на своих, и это подействовало, видно было, что именно он здесь главный. Он ещё раз оглядел Саида, его стойку, Мишу и дрожавшую Иру, и сказал:

— Парень, ты можешь идти со своими друзьями. Никто тебе преграду не сделает. Идите.

Саид опустил руки. Молча кивнул. И так, не оборачиваясь, но и не ускоряя шага, они прошли сквозь расступившуюся пьяную толпу. Ира была очень напугана: она прямо вжалась в Мишу, держась за него обеими руками, и всю дорогу до выхода из метро не проронила ни слова. Миша, чувствуя её тепло и дрожь, шёл и думал только о том, что если бы началась заварушка, им бы несдобровать. Но пронесло.

Уже ближе к общежитию, когда нервное напряжение спало и ночной воздух показался им особенно вкусным, Миша крепко пожал Саиду руку и искренне сказал:

— Спасибо.

Ира с благодарностью махнула рукой и вдруг, неожиданно для самой себя, улыбнулась и Саиду за его невозмутимое мужество, и Мише за то, что он тоже шёл, не прячась за её спину. И в эту минуту Саид понял, что эти двое уже не просто одноклассники. Что-то между ними сдвинулось и, кажется, в самом правильном направлении. Он усмехнулся и пошёл к себе, оставляя Мишу и Иру вдвоём под фонарём у входа в общежитие. Кажется, его миссия была выполнена.

В учебных и житейских буднях незаметно подступила первая сессия. Саид готовился к ней основательно, ибо не хотел начинать первый курс с академических задолженностей, да и были предметы, по которым преподаватели славились своим нестандартным подходом, такие могли спросить не по билету, а поперёк, проверяя не столько память, сколько понимание. Часто они с Семёном готовились вместе: сидели на кухне общежития или в читальном зале, разложив конспекты и кодексы, гоняли друг друга по вопросам и спорили до хрипоты. Миша в эти посиделки почти не вмешивался, он как будто уже всё знал. Ему не составляло труда разложить по полочкам любой вопрос, и Саид с Семёном только переглядывались, удивляясь: откуда в щуплом очкарике это всё поместилось? На самом деле ответ был прост: всю свою сознательную жизнь, всё своё время Миша только и занимался самообразованием. Он никогда не уделял времени ни спорту, ни иным развлечениям, только книги и учёба. И потому в нём скопился огромный, пока ещё не растраченный потенциал, который, как подозревал Саид, когда-нибудь обязательно выстрелит.

Наконец сессия была успешно пройдена всеми троими. Экзамены сдали без хвостов, и настроение у всех было приподнятое, когда чувствуешь, что справился, и впереди заслуженный отдых. Наступили каникулы. Саид решил поехать домой, к родителям: соскучился страшно, хоть и не признавался в этом никому, кроме, может быть, матери по телефону. Миша оставался в Москве из-за Иры, с которой у них теперь всё было серьёзно, хотя он по-прежнему краснел при любом упоминании об этом. Семён тоже решил остаться: Москва тянула его к себе, он любил её старые улочки Замоскворечья, бульвары, дворы с облезлой лепниной, каждый камень, помнивший чью-то историю. «Такого шанса и времени больше впереди может не быть», — сказал он друзьям на прощание и отправился бродить по городу с картой, купленной в переходе.

Самолёт Саида приземлился в аэропорту Ингушетии. Аэропорт был маленький, почти игрушечный, будто построенный наскоро. Но люди работали приветливые, и в воздухе, несмотря на январь, чувствовалась какая-то особая южная мягкость. Выйдя из здания аэровокзала, Саид сразу увидел двоюродного брата — Салман стоял, прислонившись к капоту старенькой, но ухоженной «шестёрки», и широко улыбался.

Салман был старше Саида на два года, простой и очень добрый горский парень, к учёбе и вообще к каким-то сложным делам он относился безразлично. Для него важна была семья, родственные связи, уважение старших. Он работал в охране, график «сутки через трое» его вполне устраивал: время есть, деньги какие-никакие платят, а больших дел ему не надо. Недавно он женился и теперь был очень привязан к своей молодой жене, впрочем, как и ко всей родне. К Саиду он, несмотря на то что тот младше, относился с глубоким, почтительным уважением

и всегда, провожая его куда-нибудь, говорил одно и то же: «Из тебя, Саид, выйдет большой человек. Я это знаю».

Они доехали до дома, и у ворот Салман отказался заходить:

— Поеду я. Дома ждут. А ты иди, тебя там мать заждалась. На днях заеду, пообедаем как следует.

Хлопнул дверцей и укатил, оставив Саида стоять с дорожной сумкой у калитки родного дома.

Мать и младшая сестра встретили его на пороге, обняли сердечно, по-домашнему, и руки у матери пахли тестом и травами. Сестра тут же засыпала его вопросами: как Москва, не холодно ли, не обижают ли? Саид смеялся и отвечал коротко, а сам уже высматривал отца. Тот сидел в дальней комнате, у окна, и, когда Саид вошёл, поднялся, шагнул навстречу и молча обнял за плечи без лишней ласки, которую в горах не очень-то принято выставлять напоказ, но крепко. Потом усадил напротив и начал расспрашивать: как учёба, какие предметы, какие преподаватели, нет ли проблем. Отец слушал внимательно и одобрительно кивал, и по его скупым коротким репликам Саид понимал, что он доволен. Это была высшая похвала, которую можно было получить.

Сестра, не дав им наговориться, чуть ли не насильно потащила Саида к столу. В честь его возвращения был накрыт праздничный обед. Старшего брата не было дома, он был в отъезде по делам, но обещал вернуться через пару дней. А пока на столе дымилось главное блюдо, то самое, о котором Саид мечтал все месяцы в Москве: дулх-халтам — нежное отварное мясо с галушками из пшеничной муки, приправленное чесночным соусом и обязательно с бульоном в глубокой тарелке. Запах стоял такой, что у него закружилась голова от счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.